

Е.З. Панченко

**«Вы скептик по натуре, дуэлянт...»:
автографы на книгах из библиотеки
В.М. Панеяха**

Так сложилось, что библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН (СПБИИ) — это в значительной степени библиотека частных собраний, дореволюционных и довоенных — В.Г. Дружинина, С.А. Жебелева, Н.П. Лихачева, П.А. Муханова, А.А. Сиверса, — второй половины XX и начала XXI в. — С.Н. Валка, Е.Э. Липшиц, А.Д. Люблинской, С.И. Потолова, А.А. Фурсенко. Библиотеки ушедших из жизни сотрудников института завещались, покупались, дарились — целиком или фрагментами. В конце 2017 г. А.В. Панеях подарила нам библиотеку своего отца В.М. Панеяха.

Библиотека состояла из примерно пяти тысяч книг, преимущественно научной и научно-популярной литературы по отечественной истории, в частности средневекового периода, т. е. это была рабочая библиотека профессионала. В.М. Панеях не был библиофилом — не собирал редкости, не помечал книги владельческими знаками и записями; в семье не хранились передаваемые по наследству книжные реликвии. Его библиотека в основе советская и — да, в ней было место собраниям сочинений

классиков марксизма-ленинизма (хотя сам В. М. никогда не был членом партии). Библиотека была упорядочена — по алфавиту авторов и отчасти по тематике; книги аккуратно хранились, но специально не береглись: на многих остались следы чтения и изучения в виде энергичных подчеркиваний, исправленных опечаток и ошибок (обычно неверных дат или инициалов).

Среди книг сотрудников института советской поры всегда много знакомых изданий; основу этих домашних библиотек составляет историческая литература по избранной специальности, которая почти неизбежно дублирует собранные за время регулярного научного комплектования фонды институтской библиотеки. И все же каждая библиотека имеет свое лицо, свои особенности, которые связаны с индивидуальными чертами личности и биографии собирателя; влившиеся в общий фонд, эти книги придают ему больше разнообразия, глубины и человечности. Можно вспомнить томики XVIII в. и французские автографы из библиотеки А. Д. Люблинской, книги о древностях Киева из библиотеки Е. Э. Липшиц, версии убийства царской семьи из библиотеки С. И. Потолова, истории спецслужб и дарственные надписи Рокфеллеров из библиотеки А. А. Фурсенко.

К сожалению, у нас нет возможности ни сохранять библиотеки историков в мемориальной целостности, ни принимать в фонд все принадлежавшие им книги. Дублиеты попадают в библиотеки отделов института и в личные собрания сотрудников. Так было и с библиотекой В. М. Панеяха. Однако, поскольку за последние тридцать лет комплектование библиотеки стало все более фрагментарным, книги из его собрания пополнили фонд. Особенно полезными были недостающие тома справочников и публикаций источников, путеводителей по архивам, экземпляры утраченных изданий. Даже в лучшие времена библиотека комплектовалась в основном книгами ленинградских и московских издательств. В своей домашней библиотеке В. М. Панеях собрал книги по отечественной истории, изданные в том числе далеко от столиц — в Алма-Ате, Вологде, Воронеже, Горьком / Нижнем Новгороде, Казани, Киеве, Кирове, Красноярске, Львове, Нижнем Тагиле, Новосибирске,

Перми, Петрозаводске, Риге, Ростове-на-Дону, Рыбинске, Рязани, Самаре, Саратове, Свердловске/Екатеринбурге, Смоленске, Чебоксарах, Челябинске, Ярославле. Специалисту по средневековой русской истории, В. М. были нужны исследования литературы и языка этого времени, работы по этнографии и географии, — эти книги, оказавшиеся за рамками узкого тематического комплектования библиотеки, тоже были приняты в фонд. Было интересно обнаружить в библиотеке пушкинистику; особую группу составляли книги, посвященные шахматам¹; в роли «унаследованных» оказалось несколько книг и оттисков статей из библиотеки учителя В. М. — Б. А. Романова.

Главным открытием при разборе библиотеки В. М. Панеяха стали дарственные надписи на книгах. Тема автографов для библиотеки СПбИИ не нова: множество поступивших из частных библиотек книг имеют надписи, в библиотеке ведется картотека автографов, опубликовано несколько посвященных им работ². Но в библиотеке В. М. Панеяха автографами отмечена едва ли не бо́льшая часть книг, и, кроме того, они оказались неожиданно разнообразными и интересными. Форма академического автографа воспроизводится в почти неизменном виде с конца XIX в.: много/глубокоуважаемому такому-то от такого-то (на память и/или с благодарностью). Конечно, таких традиционных надписей коллег-историков было много и на книгах В. М. Панеяха, но много было и других — ярких, с широким спектром эмоций: от иронии и шуток до грусти, ностальгии и гражданской скорби. В кратких надписях авторы говорят о своих и «панеяховских» работах, вспоминают коллег, где-то можно заметить тревожное ожидание отклика на публикацию, понять (или не понять) скрытый намек. Автографы — не литературный жанр, их не принято

¹ У В. М. Панеяха был первый разряд по шахматам.

² См., например: *Панченко Е.З.* Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // Михайловская пушкиниана. Вып. 63: «Когда б я был царь...». Сельцо Михайловское, 2014. С. 392–405; *Она же.* Прошлое и настоящее библиотеки Института истории в дарственных автографах на книгах // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 3 (51). С. 23–28.

продумывать и отделывать, но эти экспромты ценны именно своей непринужденностью, в них слышны живые голоса, интонации, порой угадывается выражение лица пишущего. Было бы непростительно оставить за пределами библиотеки такие свидетельства. В результате ради автографов в фонд были взяты несколько сотен дублетных книг, а прежние «казенные» экземпляры с библиотечных полок с погашенными штампами были розданы сотрудникам СПБНИИ.

В институте всегда было принято дарить книги коллегам, но перечисление всех, кто когда-либо подарил и подписал книгу В.М. Панеяху, было бы, пожалуй, равносильно списочному составу всех научных сотрудников ЛОИИ – СПБНИИ. Конечно, книги дарили друзья по ученичеству у Б. А. Романова: Б. В. Анянич, Р. Ш. Ганелин, А. А. Фурсенко; однокурсники по истфаку Ленинградского университета: В. А. Нардова, В. Г. Чернуха, А. Н. Цамутали; дарили коллеги по «феодалному» сектору и те, кто изучал древнюю историю России: Ю. Г. Алексеев, В. Ф. Андреев, Е. В. Анисимов, Ю. Н. Беспярых, В. Г. Вовина, С. С. Волк, З. В. Дмитриева, Л. И. Ивина, Н. А. Казакова, Г. М. Коваленко, А. И. Копанев, И. З. Либерзон, Ю. А. Лимонов, Р. М. Мавродина, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов, А. П. Павлов, Д. И. Петрикеев, Л. С. Прокофьева, М. Б. Свердлов, П. В. Седов, Л. Н. Семенова, И. П. Шаскольский. Свои труды дарили коллеги, научные интересы которых были далеки от специализации В.М. Панеяха: антиковеды А. К. Гаврилов, А. А. Нейхардт, И. А. Шишова; византинист И. П. Медведев; медиевисты В. И. Рутенбург и И. С. Шаркова, американисты В. Н. Плешков и В. А. Ушаков; исследователи истории XIX в., российского самодержавия и капитализма: Т. В. Андреева, В. Н. Гинев, В. С. Дякин, Б. Ф. Егоров, Т. М. Китанина, С. В. Куликов, С. К. Лебедев, Б. Н. Миرون, М. М. Сафонов, Ю. Б. Соловьев, Л. Е. Шепелев; рабочего движения и революции 1917 г.: И. А. Бакланова, В. Г. Бортневский, Э. Э. Крузе, С. И. Потолов, С. Н. Семанов, Н. Н. Смирнов, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев, З. В. Степанов, В. Ю. Черняев; советского периода и Великой Отечественной войны: А. Р. Дзенискевич, В. И. Кардашов, А. П. Купайгородская, С. В. Яров.

Дарили старшие, «ветераны» института: Р. И. Козинцева, А. Д. Люблинская, К. Н. Сербина, М. Е. Сергеенко, У. А. Шустер; и младшие коллеги, ученики, аспиранты: В. Г. Вовина, Д. Н. Копелев, М. М. Кром, Е. А. Ростовцев, Т. В. Сазонова. Этот перечень далеко не полон, и, конечно, только институтом не ограничивался круг дарителей.

Среди надписанных книг имена ленинградских/петербургских историков, филологов, литераторов, сотрудников музеев, архивов, библиотек: А. А. Амосов, А. К. Байбурин, П. Л. Вахтина, Г. В. Вилинбахов, Я. А. Гордин, А. Ю. Дворниченко, А. Я. Дегтярев, И. В. Дубов, Е. В. Лукин, Я. С. Лурье, С. А. Козлов, Н. Е. Копосов, В. В. Мавродин, Ю. Д. Марголис, А. Б. Николаев, А. В. Островский, Э. Л. Панеях, Т. И. Пашкова, Ю. А. Петросян, С. Н. Погодин, А. Я. Разумов, С. А. Рейсер, Г. М. Седова, Р. Г. Скрынников, И. В. Тункина, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро, Е. М. Шварц.

Круг общения и профессиональных контактов Виктора Моисевича был намного шире родного города. В Москве он поддерживал отношения с В. И. Бугановым, семьей Горских (Н. А. Горской, А. Д. Горским, А. А. Горским), А. Б. Давидсоном, Е. М. Добрушкиным, А. А. Зиминим, Е. И. Индовой, Л. А. Кацвой, С. М. Каштановым, Р. А. Киреевой, В. Б. Кобриным, В. П. Козловым, Е. И. Колычевой, А. И. Комиссаренко, О. Е. Кошелевой, М. Д. Курмачевой, Е. Н. Кушевой, В. Д. и Е. Л. Назаровыми, В. Н. Никифоровым, Р. В. Овчинниковым, Н. И. Павленко, В. Т. Пашуто, В. В. Поликарповым, Л. Н. Простоволосовой, Ю. Д. Рыковым, А. С. Стыкалиным, Б. Н. Флорей, А. А. Формозовым, А. Л. Хорошкевич, Л. В. Черепниним, С. О. Шмидтом, Ю. М. Эскиным, А. В. Юрасовым, А. Л. Юргановым, А. И. Юхтом, В. Л. Яниним. Конференции, защиты диссертаций — В. М. Панеях, судя по его книгам, много ездил по стране. А возможно — знакомился с коллегами, приехавшими в Ленинград или Москву. Так или иначе, книги говорят не только о многочисленных встречах с историками из самых разных городов, но и продолжительных профессиональных и дружеских связях с коллегами из Екатеринбурга (Е. Ю. Апкаримова, А. С. Черкасова), Казани (И. П. Ермолаев), Новосибирска

(Н. Н. Покровский), Перми (Л. Е. Кертман³), Риги (В. В. Дорошенко), Ростова-на Дону (А. П. Пронштейн и Н. А. Мининков), Рязани (В. Н. Козляков, А. А. Севастьянова), Саратова (Л. А. Дербов, А. А. Чернобаев), Уфы (И. М. Гвоздикова), Ярославля (Ю. Ю. Иерусалимский).

Как ни обширен перечень приведенных имен, в него вошли далеко не все, — и все-таки к нему нужно добавить имена, которые знает (или знала когда-то) вся страна: филолог и культуролог Ю. М. Лотман, историк и писатель Н. Я. Эйдельман, литературовед и общественный деятель М. О. Чудакова, один из авторов Российской Конституции В. Л. Шейнис, претендент на звание чемпиона мира по шахматам В. Л. Корчной (двое последних — однокурсники В. М. по истфаку ЛГУ). Самому В. М., наверное, дороже всего были книги, которые дарили ему на протяжении многих лет верные друзья: Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Я. А. Гордин, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, Л. Е. Кертман, В. Б. Кобрин, А. А. Нейхардт, А. А. Фурсенко, А. Л. Хорошкевич, В. Л. Янин.

Традиция дарить книгу с уважительной дарственной надписью отчасти восходит к старому обычаю посвящать книги могущественному патрону. Однако, отдавая должное ответственным постам заведующего в течение ряда лет Отделом древней истории России ЛОИИ/СПБИИ или декана-организатора исторического факультета Европейского университета в Санкт-Петербурге, надо признать, что исключительное богатство дарственных надписей в библиотеке В. М. связано с его авторитетом и репутацией не администратора, а ученого, и личными, человеческими качествами. Автографы полны выражений дружбы и любви:

«Дорогому Вите»⁴ (А. А. Зимин; это самая краткая, но стопроцентно дружеская надпись); «Дорогому Вите Рая» (Р. Ш. Ганелин);

³ Лев Ефимович Кертман (1917–1987), доктор исторических наук, профессор Пермского университета, двоюродный брат и друг В. М. Панеяха.

⁴ Здесь для удобства чтения опущены описания книг, на которых сделаны дарственные надписи. Уточнить сведения можно в библиотеке СПБИИ в электронном каталоге.

«Дорогому Вите с любовью и дружески» (Б. В. Ананьич); «Дорогому Вите с любовью, дружбой и пр.» (В. Б. Кобрин); «Виктору — я тебя люблю» (А. Б. Давидсон); «Дорогому Виктору Моисеевичу от старого друга» (С. С. Волк); «Дорогому Вите — старому и верному другу» (А. А. Фурсенко); «Дорогому Вите — на добрую память» (С. И. Потолов); «Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху от автора с дружескими чувствами и пожеланиями» (В. И. Буганов); «Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху — с любовью и на память от автора» (В. П. Козлов); «Дорогому Виктору Моисеевичу с нежной любовью и искренней симпатией» (В. Д. Назаров, Е. Л. Назарова); «Теплые пожелания дорогому Виктору Моисеевичу (В. Л. Янин); «Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху — с дружбой от автора» (В. В. Дорошенко); «Дорогому Вите с лучшими пожеланиями дружески» (В. И. Старцев); «Верному и давнему другу Виктору Панеяху» (Ю. Д. Марголис); «Дорогому Виктору Моисеевичу с любовью» (Н. И. Павленко); «Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху, дружески и в знак глубокого уважения» (Ю. А. Петросян); «Дорогому Виктору Моисеевичу с любовью от автора» (Е. В. Анисимов); «Дорогому Виктору Моисеевичу с любовью» (В. Г. Вовина).

Немало скажет об адресате перечисление благодарностей: «за помощь и поддержку» (Е. В. Анисимов); «за мудрые советы и благожелательность» (Т. В. Андреева); «за внимание к работе» (Б. Н. Миронов); «за внимание, заботу и покровительство» (Е. Ю. Апкаримова); «с благодарностью за дружескую поддержку» (Е. М. Добрушкин); «с благодарностью за помощь» (Л. Н. Семенова); «за помощь, советы, радость общения, годы поддержки» (Е. А. Ростовцев); «за помощь в Европейском университете» (Г. Л. Соболев, А. В. Островский); «с самыми лучшими пожеланиями и в знак огромной признательности» (Н. А. Мининков); «Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху с сердечной благодарностью и пожеланием творческих успехов» (Т. М. Китанина); «с огромной благодарностью за благожелательность и поддержку» (О. Е. Кошелева).

Часто подчеркивается помощь В. М. на разных этапах работы с преподносимой книгой:

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху, специалисту “по деланию” книг, с благодарностью автора» (Г.Л. Соболев. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.; Л., 1966)⁵;

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху с любовью, памятью и благодарностью за эти сюжеты — автор» (А.А. Севастьянова. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998);

«Уважаемому Виктору Моисеевичу Панеяху с искренней благодарностью за поддержку этой темы (с 1993 г.) и ее автора» (В.Н. Козляков. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000);

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху с выражением глубокой благодарности за помощь, оказанную при подготовке этой рукописи к печати» (Л.С. Прокофьева. Крестьянская община в России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (на материалах вотчин Шереметевых). Л., 1981);

«Дорогому Виктору Моисеевичу с признательностью за помощь в подготовке книги от редактора» (В.В. Поликарпов. На кн.: Ю.Н. Афанасьев. Я должен это сказать... Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991);

«Вите с благодарностью за посильную помощь в издании этого опуса» (Ю.Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973);

«Дорогому Виктору Моисеевичу, критику и помощнику, с добрыми пожеланиями от автора» (С.А. Козлов. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 1996);

⁵ Здесь и далее в круглых скобках указывается автор дарственной надписи и краткое описание подаренного им печатного издания. Если издание дарит не его единственный автор, то после имени дарителя краткому описанию издания предшествуют слова «На кн.». За исключением особых характерных случаев, подписи дарителей, для удобства чтения, опущены. Даты, которыми помечены автографы, также опущены. Год дарения книги во всех случаях приходится на год выхода книги или следующий. В текстах автографов скобки, кавычки, сокращения принадлежат их авторам.

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху на добрую память и с благодарностью за добрый отзыв» (Р. В. Овчинников. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: источниковедческое исследование. М., 1980);

«Дорогому Виктору Моисеевичу, моему строгому и доброжелательному критику, с искренним уважением» (В. Ф. Андреев. Северный страж Руси: очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1983);

«Крестному отцу и патрону сей книги Виктору Моисеевичу Панеяху с признательностью» (А. Д. Люблинская, И. С. Шаркова. На кн.: Русский дипломат во Франции (записки Андрея Матвеева) / публ. подгот. И. С. Шарковой, под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972).

Из приведенных выше автографов уже видно, что их смысловая составляющая часто связана с печатными трудами — непосредственно с теми, которые преподносятся авторами, или же это может быть отклик на труды самого адресата, в данном случае В. М. Панеяха. Автограф в академическом кругу становится предельно лаконичной рецензией или отзывом на опубликованную работу, при этом в случае авторецензии подчеркивается незначительность и несовершенство сделанного, предвидится строгая критика, и наоборот — работе коллеги дается высокая оценка:

«Дорогому Виктору Моисеевичу многострадальное сочинение многогрешного автора» (А. Л. Хорошкевич. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.; Л., 1963);

«Дорогому Вите с надеждой на прочтение им этой работы — автор» (Л. Е. Шепелев. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981);

«Автору книги о Романове — блестящей. Но я люблю тебя не только за это» (А. Б. Давидсон. Николай Гумилев: поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001);

«Дорогому Виктору Моисеевичу от автора. Не судите по сей книге, да не судимы будете. Почти по Матфею» (А. Г. Маньков.

Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980);

«Дорогому Витечке — плод хотя и переносенный, но тем не менее — неполноценный как по весу, так и по моральному облику (см. отзыв изд-ва) — Дружески» (В. Г. Чернуха. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989);

«Дорогой Виктор Моисеевич, примите взамен Ваших молодцов моих уродов» (М. Е. Сергеенко. Ремесленники Древнего Рима. Л., 1968);

«Дорогому Виктору Моисеевичу от почитателей, просто читателей Ваших трудов и издателей этого опуса» (А. Л. Хорошкевич, А. В. Юрасов. На кн.: Столичные и периферийные города Руси в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.) / редкол.: А. Л. Хорошкевич, А. В. Юрасов. М., 1996);

«Знаменитому Панеяху (дорогому Виктору Моисеевичу) от ничтожного сочинителя с пожеланием всяческого благополучия» (И. П. Медведев. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001);

«Виктору Моисеевичу Панеяху с лучшими чувствами, с благодарностью за книгу о Б. А. Романове, которую читаю с живым интересом и пониманием» (М. О. Чудакова. Избранные работы. Т. 1: Литература советского прошлого. М., 2001);

«Дорогому коллеге Виктору Моисеевичу Панеяху (со всем ли он будет согласен??)» (Б. Ф. Егоров. От Хомякова до Лотмана. М., 2003);

«Многоуважаемому Виктору Моисеевичу Панеяху для пополнения коллекции ротاپринтных изданий от когда-то единственного составителя, ставшего “одним из” по независимым от него причинам и из-за этого выпустившего в свет сию публикацию с досадными опечатками и без указателей» (И. С. Шаркова. На кн.: Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в. Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах / отв. ред.: Е. И. Индова, Ю. А. Тихонов; ред.-сост.: А. И. Комиссаренко, И. С. Шаркова. М., 1981);

«Моему почтенному коллеге, университетскому товарищу и сокурснику Вите Панеяху на добрую память от автора. Если мне удастся развенчать моих опричных пигмеев, как тебе удалось возвеличить своих кабальных исполинов, то задача моя будет исполнена» (Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966);

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху с неизменным уважением на добрую память и строгий суд» (В. П. Козлов. Круг А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988);

«Самому талантливому ученому Виктору Моисеевичу Панеяху от автора с добрыми пожеланиями» (М. М. Сафонов. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988);

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху многострадальный Церен (он же “Лунный бог”) от не менее многострадального автора (предисловия и проч.)» (А. А. Нейхардт. На кн.: Э. Церен. Лунный бог / отв. ред. А. А. Нейхардт. М., 1976);

«Виктору Моисеевичу — новый объект для критики, хотелось бы, не такой сокрушительной, как по адресу Полоцких грамот» (А. Л. Хорошкевич. Символы русской государственности. М., 1993);

«Виктору Моисеевичу, первому историографу Крестьянской войны 1773–1775 гг. на территории Башкирии, с искренним уважением и почитанием» (И. М. Гвоздикова. Салават Юлаев: исследование документальных источников. Уфа, 1982);

«Дорогому Вите новый материал для будущей критической статьи» (М. Е. Бычкова. На кн.: Редкие источники по истории России. Вып. 2 / сост.: З. Н. Бочкарева и М. Е. Бычкова. М., 1977);

«Дорогому Вите Панеяху — знатоку и любителю актов, в том числе и частных, от галломана SK» (С. М. Каштанов. Частные акты и начало нотариата в феодальной России = *Les actes privés et le début du notariat en Russie*. Valencia, 1989. Отд. отт. из: *Notariado público y documento privado: de los orígenes al siglo XIV: actas de VII Congreso Internacional de Diplomática*. V. 2);

«Дорогим Вите, Раде, Аллочке⁶ — издание сокращенное и в меру сил испорченное. Тем не менее, рад вручить это все милым моим!» (Л. Е. Кертман. География, история и культура Англии: учебное пособие для вузов. М., 1979);

«Глубокоуважаемому и дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху с благодарностью за критические замечания, ниспровергающие эти построения, от искренне преданного автора» (Е. А. Ростовцев. На кн.: Методология истории: учебно-методическое пособие. Ч. 1 / сост. Е. А. Ростовцев. СПб., 1998).

Излюбленный мотив дружеских посланий коллег — холопы и холопство на Руси, т. е. главная тема В. М. Панеяха, разработке которой он посвятил три монографии:

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху, моему редактору и коллеге, с пожеланием новых творческих успехов в изучении холопства в России» (Л. С. Прокофьева. На кн.: Вопросы аграрной истории и крестьянства Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1977);

«Глубокоуважаемому Виктору Моисеевичу на добрую память от авторов — университетских кабальных людей. Сердечно» (А. Я. Дегтярев, И. В. Дубов. От Калки до Угры. Л., 1980);

«От полного холопа Сашки служилому холопу Витьке. Прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна господ. М. Ю. Лермонтов» (А. А. Зимин. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973);

«Вите на добрую память от автора.

Ну и книга, — скажет Витя, —

В указатель поглядите:

Перечислил пол-Европы —

Ни одной холопьею морды» (В. С. Дякин. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978);

«Кабальному холопу от Рокфеллера. Будь здоров, Витя! Саня» (А. А. Фурсенко. Династия Рокфеллеров. Л., 1967);

«Дорогому Виктору Моисеевичу с неизменно дружескими чувствами Н. А. Горская — также от эпигона холоповедов

⁶ Рада Васильевна Вурсол (1925–2005), жена В. М. Панеяха. Они вместе учились на истфаке ЛГУ. Алла Викторовна Панеях — дочь.

и самого полного холопа — S. Kachtanov'a» (Н.А. Горская, С.М. Каштанов / N.A. Gorskaja, S.M. Kachtanov. *Formes et évolution du travail en Russie du XIVe au XVIIe siècle*. Firenze, 1991. Отд. отт. из: *Forme ed evoluzione del lavoro in Europa, XIII–XVIII secc.: atti della «tredicesima Settimana di studio», 2–7 maggio 1981*).

Шутливые надписи встречаются на книгах В. М. очень часто. 1960-е, годы профессионального становления В. М. и ученых его поколения, были годами реабилитации смеха и юмора — достаточно вспомнить «и улыбка, без сомненья, вдруг коснется ваших глаз», КВН, знаменитую книгу М. М. Бахтина. И все-таки ничто не подвигло бы людей науки столько шутить и иронизировать, надписывая свои серьезные работы, если бы у самого адресата этих надписей не было чувства юмора:

«Всему Панеяхству — от нашего Эйдельманства — vale!» (Н. Я. Эйдельман. Пушкин: история и современность в художественном сознании поэта. М., 1984);

«Горячо любимому Виктору Моисеевичу Панеяху от авторес и авторов» (Е. Н. Швейковская. На кн.: *Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII вв.: проблемы собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи* / отв. ред.: Н. А. Горская, Е. Н. Швейковская. М., 1998);

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху на память о недостойном подьячем с опричного двора Ивана Грозного [марг.: сиречь Левочкина⁷], составившем сей “поучительный” труд для работных людей книгохранительных палат, и с самыми лучшими пожеланиями... Подьячий Юшка Дмитриев руку приложил. А писал сию запись на Москве в лето 7499-е месяца января в 5 день» (Ю. Д. Рыков. На кн.: *Экспертиза и научно-техническая обработка рукописных книг: методические рекомендации* / сост. Ю. Д. Рыков. М., 1990);

«Глубокоуважаемому Виктору Моисеевичу в период расцвета его административной, бюрократической и головотяпской

⁷ Иван Васильевич Левочкин (1934–2013), историк, археограф, книговед; работал, как и Ю. Д. Рыков, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

карьеру от признательного автора (см. налево⁸)» (А. А. Нейхардт. Загадка «Святого» креста. М., 1963);

«Виктору Моисеевичу (некому Панеяху) некая Простоволосова» (Л. Н. Простоволосова. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. М., 1990);

«Дорогому Вите Панеяху среднего возраста. Расти на радость Семье и Родине» (В. Л. Янин. Берестяная почта столетий. М., 1979. (Библиотечка Детской энциклопедии «Ученые — школьнику»));

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху — с надеждой на взаимность» (Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. Л., 1966);

«Глубокочитимому Виктору Моисеевичу в сугубо-просветительских целях. А. Нейхардт (она же древнеримская сказительница)» (А. А. Нейхардт. На кн.: Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / сост. А. А. Нейхардт. М., 1988);

«Раде, Вите и Алле⁹ — по одной повести на человека — дружки» (Я. А. Гордин. Три повести. Л., 1983);

«Дорогому Виктору Моисеевичу от старухи А. Хорошкевич» (А. Л. Хорошкевич. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001);

«Дорогому дяде Вите — плоды ехидств газетных» (Э. Л. Панеях¹⁰. На кн.: По ту сторону права. Законодатели, суды и полиция в России: сборник статей: по материалам газеты «Ведомости». М., 2014);

«Глубокоуважаемому Виктору Моисеевичу Панеяху от автора. Ю. Лотман. И примкнувший к ним Егоров» (Ю. М. Лотман, Б. Ф. Егоров. На кн.: Ю. М. Лотман. Сотворение Карамзина. М., 1987).

⁸ «Налево», т. е. на титульном листе этого экземпляра, приклеена фотография, на которой изображена А. А. Нейхардт у подножия большого креста.

⁹ См. примеч. 6.

¹⁰ Социолог Элла Львовна Панеях — племянница В. М. Панеяха, дочь его брата Л. М. Панеяха.

Автографы напоминают, что В. М. Панеях был хорошим шахматистом:

«Победителю шахматного турнира гостей и сотрудников ЛОИИ В.М. Панеяху от коллег и издателей 24.I.1974¹¹» (С. Н. Семанов¹², О. Н. Знаменский, М. Б. Свердлов, В. И. Кардашов и др. На кн.: Пограничники: сборник. М., 1973. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 15));

«Виктору Панеяху, человеку — и шахматисту» (В. И. Кардашов. Рокоссовский. М., 1972);

«Знают все о Панеяхе
по успехам в шахматах.

Знают все о Панеяхе,
что он новый Шахматов» (С. Н. Семанов. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л., 1966);

«Дорогой Виктор! Общеизвестно: юбиляры¹³ ведут себя по-хамски и даже гордятся этим — смешно на них обижаться. А я — вот, плачу ясак. Будь здоров!» (В. Л. Корчной. Шахматы без пощады. Секретные материалы Политбюро, КГБ, Спорткомитета. М., 2006).

Непринужденность и оригинальность автографа не обязательно подразумевают несерьезность. Мы найдем надписи, похожие на фрагменты бесед — о науке, о России, о еврействе, о жизни:

«Дорогим Раде¹⁴ и Вите — еще одну печальную российскую историю» (Я. А. Гордин. Право на поединок. Роман в документах и рассуждениях. Л., 1989);

«Не берусь, Витя, судить, что лучше — холоповедение или цареведение. Да, впрочем, оба лучше, если так, как тебя, вдохновляют и над самим собой поднимают. Следовательно, новых тебе успехов и побед в твоём пожизненном увлечении» (Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981);

¹¹ В данном случае дата сохранена на память о состоявшемся турнире.

¹² С. Н. Семанов был заведующим редакцией серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

¹³ В. Л. Корчной дарит книгу, вышедшую в год его 75-летия.

¹⁴ См. примеч. 6.

«Дорогому Виктору Моисеевичу — обратите внимание (но лишь свое) на прим. 31¹⁵» (Я. С. Лурье. Книгописец Ефросин и борьба против «глумов» и смеха в древнерусской письменности. The Hague, 1985. Отд. отт. из: International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 31/32);

«Дорогому Виктору Моисеевичу на языке, ведомом ему с детства («маме-лошн»¹⁶)» (Я. С. Лурье / J. Luria. Das Problem der ideologischen Hauptrichtungen in der russischen Literatur am Ende des 15. und in der ersten Hälfte des 16. Jh. Berlin, 1960. Отд. отт. из: Zeitschrift für Slawistik. Bd. 5, Heft 3);

«Дорогому Вите — Учителю жизни — с глубоким уважением и безо всякой иронии Р.» (Р. Ш. Ганелин. Россия и США, 1914—1917 гг.: очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969);

«Дорогому Вите с глубокой признательностью за помощь в работе над книгой, дружеское участие и поддержку в тяжелые минуты жизни» (Л. И. Ивина. Внутреннее освоение земель России в XVI в.: историко-географическое исследование по материалам монастырей. Л., 1985);

«Дорогому Вите — помню о том, что к судьбе этой книги ты приложил свою твердую дружескую руку. Саня» (А. А. Фурсенко. Критическое десятилетие Америки. 60-е годы. Л., 1974);

«Дорогому Вите на память о редких минутах взаимопонимания и терпимости» (А. С. Черкасова. На кн.: Исследования по истории Урала. Вып. 1. Пермь, 1970. (Ученые записки / Пермский государственный университет им. А. М. Горького; № 227));

«Дорогому Вите — ... Всего, чего я чувствую — не написать!..» (А. П. Купайгородская. Оружием слова: листовки петроградских большевиков 1918—1920 гг. Л., 1981);

«Дорогому Вите с надеждой на добрую память (а для чего могло бы быть?)» (Л. Е. Шепелев. Царизм и буржуазия в 1904—1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987);

¹⁵ В этом примечании Я. С. Лурье пишет о непристойных ассоциациях, связанных с буквами фита и ферт.

¹⁶ «Маме-лошн» — идиш.

«Виктору Панеяху — другу, однокурснику, коллеге, о временах, хоть и прожитых врозь, но равно памятных, прошедших, но не канувших в Лету, от автора, вдруг вновь заделавшегося историком» (В.Л. Шейнис. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1. М., 2005).

Любой автограф на книге пишется «на память». Но часто бывает, что именно память — об ушедших друзьях, коллегах, о молодости — становится главным смыслом надписи:

«Дорогому Вите — старому, к сожалению, другу» (Н. И. Ананьич¹⁷. Воспоминание о детстве. СПб., 2009);

«Вите — в память долгих, долгих лет» (Ю. Г. Алексеев. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989);

«Вите Панеяху с рукопожатием, за которым стоит сорок (и даже побольше) лет знакомства» (Ю. Б. Соловьев. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990);

«Виктору Моисеевичу Панеяху на память о Льве Владимировиче Черепнине» (В. Д. Назаров. На кн.: Л. В. Черепнин. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. М., 2015. Т. 1);

«Дорогому Виктору Моисеевичу в память о М. П. Вяткине» (С. И. Потолов, В. С. Дякин, Р. Ш. Ганелин, А. Н. Цамутали, С. К. Лебедев, В. Г. Чернуха, В. А. Нардова, Б. В. Ананьич, Ю. Б. Соловьев, Т. М. Китанина. На кн.: Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в.: к проблеме исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. С. И. Потолов. Л., 1987);

«Виктору Моисеевичу Панеяху — в память о В. Б. Кобрине» (А. Л. Юрганов. На кн.: В. Б. Кобрин. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. / сост.: Ю. М. Эскин, А. Л. Юрганов. М., 1995);

«Дорогим Нелли, Виктору и Раде¹⁸ — еще одна книга Левы, для которого ваш дом в Ленинграде всегда был самым родным

¹⁷ Нина Ивановна Ананьич — жена Б. В. Ананьича.

¹⁸ Нелли Самуиловна Дайч (1904–1989), мать В. М. Панеяха. Рада — см. примеч. 6.

и своим» (С.Я. Фрадкина¹⁹. На кн.: Л.Е. Кертман. История культуры стран Европы и Америки, 1870–1917: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1987);

«Дорогому Виктору Моисеевичу на добрую память обо всем» (В.Л. Янин. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977);

«Вите — с ностальгической (?) памятью о временах, когда ХХ век начинался для нас (все-таки молоды и самоуверенны мы были...)» (В.Л. Шейнис. Русский ХХ век. Историческое повествование от Гавриила Попова. М., 2010).

Традиционные академические дарственные надписи уважительно-нейтральны или комплиментарны, и поэтому составить на их основании какое-либо мнение о личности адресата вряд ли возможно. Представленные выше автографы тем не менее складываются в объемный образ авторитетного ученого и заинтересованного читателя, строгого критика и помощника, собеседника, в общении с которым рождались новые идеи, ироничного, но душевного друга. Еще более живым этот портрет делают дружеские надписи, в которых авторы описывают самые яркие, с их точки зрения, черты характера В. М. — принципиальность и боевой темперамент, трезвое знание жизни и мужское обаяние:

«Дорогому Виктору Моисеевичу, самому принципиальному феодалу²⁰ ЛОИИ, с наилучшими пожеланиями» (Л.С. Прокофьева. На кн.: Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972);

«Неугомонному спорщику, дорогому Виктору Моисеевичу Панеях²¹ на добрую память от автора» (А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1971);

«Задире и дуэлянту В. Панеяху от миролюбивого С. К. с приветом» (С.М. Каштанов / S. M. Kashtanov. The centralised state

¹⁹ Сарра Яковлевна Фрадкина (1917–2000), жена Л.Е. Кертмана.

²⁰ «Феодалами» в ЛОИИ в разговорной речи называли сотрудников Группы, затем Сектора истории СССР периода феодализм (сейчас Отдел древней истории России).

²¹ А. П. Пронштейн не склоняет фамилию.

and feudal immunities in Russia. Cambridge, 1971. Отд. отт. из: Slavonic and East European Review. Vol. 49, N 115).

«Эту мужскую книгу — воинственному Виктору Панеяху, как краткое руководство по стратегии и тактике. Дружески от пехотинца в отставке» (Я. А. Гордин. Пусть каждый исполнит свой долг: повесть о Северной войне. М., 1979);

«Человеку с хорошей фигурой и плохим характером — второму сапогу из пары. Авторы лучших рассказов» (А. А. Нейхардт, И. А. Шишова²². На кн.: Древняя Греция: книга для чтения / под ред. Д. П. Каллистова и С. Л. Утченко. М., 1963);

«Дорогому Виктору Моисеевичу Панеяху — строгому, но всегда справедливому критику, настоящему бойцу — с глубоким уважением и искренней симпатией от автора и с благодарностью за внимание к его работе» (Б. Н. Миронов. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л., 1981);

«Дорогому Вите, у которого я все еще учусь жить» (Р. Ш. Ганелин. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975);

«Дорогому моему Виктору, апологету конкретности (уж куда конкретней!!!), задавателю вопросов (а где взять ответы), историческому hobby'исту — с чувствами!» (Л. Е. Кертман. География, история и культура Англии: учебное пособие. М., 1968);

«Дорогому Виктору Моисеевичу — признанному авторитету в истории и борьбе за права людей (не только холопов)» (А. А. Фурсенко, В. Н. Плешков, В. М. Большаков. На кн.: Т. Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / сост. и общ. ред. А. А. Фурсенко, коммент. и указ. В. Н. Плешкова, пер. В. М. Большакова с участием В. Н. Плешкова. Л., 1990);

«Дорогому Вите Панеяху с давними чувствами любви, дружбы и с уважением безмерным. Не ругай меня!

Вы скептик по натуре, дуэлянт,
И есть у Вас мистический талант,
Принявши агнца скромное обличье,

²² Написано рукой А. А. Нейхардт. Подписи нет. Среди авторов рассказов А. А. Нейхардт и И. А. Шишова.

Собою зажигать сердца девицы.

По Вам скучают Ольга и Татьяна,

А Ленский ревностью наполнен ураганной. С. К.» (С. М. Каштанов. Исследование о молдавской грамоте XV века. М., 2012).

За большинством этих экспромтов в стихах и прозе, очевидно, стоит не просто желание проинформировать коллегу о вышедшей работе, а годы дружбы, научные и не только споры, застолья с обменом остроумными репликами. Еще раз можно вспомнить об оттепели и эпохе шестидесятых; можно вспомнить о раскованной, домашней атмосфере ЛОИИ/СПБИИ, которую так любили и ценили старожилы института — те друзья и приятели В. М. по истфаку ЛГУ и другие ровесники или почти сверстники, которые и составляли ядро этого института (Ю. Г. Алексеев, Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. Н. Гинев, А. Р. Дзенискевич, В. С. Дякин, О. Н. Знаменский, Л. И. Ивина, Т. М. Китанина, А. П. Купайгородская, Ю. А. Лимонов, В. А. Нардова, С. И. Потолов, Ю. Б. Соловьев, В. И. Старцев, А. А. Фурсенко, А. Н. Цамутали, В. Г. Чернуха, И. А. Шишова), — но главной причиной появления такого калейдоскопа дарственных надписей, несомненно, был сам адресат В. М. Панеях. Автор этого текста хорошо помнит его умное волевое лицо с лукавыми глазами, неизменно строгий костюм с галстуком и присущие всему его облику решительность и ироничность.

Недавно один из старых читателей нашей библиотеки (С. Е. Эрлих) написал, что ее особенность — это книги историков XIX в. с дарственными надписями авторов. Такие книги берешь в руки и читаешь с особенным чувством. Сейчас «прошлым веком» стал уже XX в., и уникальные экземпляры с дарственными надписями советских историков скоро тоже будут казаться чем-то удивительным. Библиотека СПБИИ — это не просто собрание литературы исторической тематики, это историческая библиотека в более широком смысле слова, соединяющая научность и мемориальность. Книги из библиотеки В. М. Панеяха стали теперь ее частью.

Литература

Панченко Е.З. Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // Михайловская пушкиниана. Вып. 63: «Когда б я был царь...». Сельцо Михайловское, 2014. С. 392–405.

Панченко Е.З. Прошлое и настоящее библиотеки Института истории в дарственных автографах на книгах // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 3 (51). С. 23–28.

References

Panchenko E. Z. Kniga kak podarok (po materialam russkih avtografov na knigah iz biblioteki Sankt-Peterburgskogo instituta istorii) // Mihailovskaya pushkiniana. Vyp. 63: «Kogda b ya byl car'...». Sel'co Mihailovskoe, 2014. S. 392–405.

Panchenko E. Z. Proshloe i nastoyashee biblioteki Instituta istorii v darstvennyh avtografah na knigah // Peterburgskaya bibliotechnaya shkola. 2015. № 3 (51). S. 23–28.